

An impressionistic painting of a person from behind, floating in water. The water is rendered with vibrant, textured brushstrokes in shades of blue, green, and yellow. The person is wearing a patterned swimsuit and has their arms outstretched. The background shows a sunlit shoreline with green foliage.

Напалмя Пленцова

Каждый
твой
вдох...

Наталия Пленцова
Каждый твой вдох...

«Издательские решения»

Пленцова Н.

Каждый твой вдох... / Н. Пленцова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906819-4

Ты уже не ребёнок и больше не веришь в чудесное откровение в награду за пять лет вегетарианства. Чужие мысли, недолговечные обворожительные идеи. И вот ты один на один с пустотой. Сидишь в кресле и смотришь «неплохой сериал», все девять сезонов подряд. А внутри, в клетке, рыдает и мечется кто-то маленький и беспокойный. Чего-то требует, куда-то зовёт... Невыносимо! Что делать? Куда бежать? А может поздно? Не знаю, куда бежать. Но если ты слышишь его голос, то не поздно. Я расскажу о нашей встрече.

ISBN 978-5-44-906819-4

© Пленцова Н.
© Издательские решения

Содержание

Каждый твой вдох...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Каждый твой вдох...

Наталья Пленцова

Иллюстратор Ксения Черномор

© Наталья Пленцова, 2018

© Ксения Черномор, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-6819-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каждый твой вдох...

*Так жжёт в груди. Дотла сгорает
Тот, кем я был. Лети, Душа.
Все двери настезь. Что мешает?
Чего ты ждёшь? Лети, Душа.*

Это случилось однажды. Может быть дважды. Или трижды. Теперь я уже сбилась со счёта. А может это всё ещё длится? Или случится вот-вот и я, как и прежде, трепетно жду, замедляя дыхание в предвкушении нашей встречи.

Как-то надо начать. Писать – трудно, когда ты бывший филолог, прочитавший всех лучших, и до сих пор перечитывающий любимых. Но писать я буду. Просто не знаю, как начать...

Меня зовут... Ещё одно общее место. Обтекаем. Имя всегда на обложке. Снаружи. А внутри просто – Я.

Несколько лет назад некая «Я» решила идти к мечте, наплевав на страхи, сомнения и «невозможности». Я поставила моноспектакль по «Чайке по имени Дж. Ливингстон» Ричарда Баха и играла его какое-то время в маленьком томском театре с лоскутной крышей. Своё представление я назвала «Вертикальный полёт», потому что так оно и было. Так оно должно было быть.

Зрители любили мой «Вертикальный полёт» (про себя я зову его «В.П.»). Наверное, потому, что я вкладывала в него свою душу, насколько могла тогда. А полёт оставался всё-таки горизонтальным. Я хотела большего. Хотела качественного изменения чего-то в себе, чему даже трудно подобрать имя. Я не могла пробиться к пониманию, попав в капкан ограниченности и захламлённости своего сознания. Мне будто не хватало какого-то дополнительного органа, инструмента для восприятия иного измерения, неуловимо проявляющегося сквозь плотные осязаемые слои. Я силилась, но не могла объять открывавшуюся мне глубину. Я ощущала её своим сердцем, я касалась её своим внутренним взором. Как путник,

взобравшийся на вершину горы, видит прямо перед собой следующую вершину, ещё более возвышенную и прекрасную и, казалось бы, такую близкую, но такую далёкую. И надо спуститься, чтобы подняться. Как такое объяснить? Надо ждать, расти, вызреть душой. Сойти с пути, чтобы вернуться, семь пар железных башмаков истоптав... Спектакль я «отложила» и поехала искать «то, не знаю что».

Время потекло.

Время хитрый игрок. Оно жульничает беззастенчиво, это общеизвестно. Годы превращает в секунды, а пару часов растягивает в целую эпоху, по законам никому не ведомым. На него нельзя положиться. Моё вчера может стать вашим «дождливым октябрём», а может стать «одним воскресным утром», или тенью от большой лиственницы на пустыре около дома.

В ту ночь было ветрено. Я сидела за своим столом и зачарованно слушала, как ветер играет колокольчиками за дверью, сочиняя музыку. Каждая новая фраза была чем-то похожа на предыдущую, но другая, она продолжала мелодию, но никогда её не заканчивала. Ещё один его творческий порыв – ещё одна вариация...

У меня тоже есть свой хрустальный колокольчик, как у ветра. На рабочем столе под лампой. Я зову его «страж», потому что он стережёт моё бдение. У него безукоризненно чистый высокий голос. «Страж» возвращает меня в реальность, когда я каменею или, наоборот, утекаю.

Так вот, я работала. Передо мной лежал текст «В.П.», изрядно замусоленный по углам от частого, далеко не всегда толкового, перелистывания. И в маленьком, дружественном мне, компике, где широкая разноцветная полоса делила экран на две половины (она больше не исче-

зала при надавливании, а только меняла свою разноцветность), мерцал его же электронный двойник, но открытый на другой (!) странице.

Я уже очень долго вглядывалась, сквозь текст, в пространство своего сознания, пытаюсь рассмотреть его содержимое и, по возможности, расширить. Вживляла туда отдельные мысли, события, фразы и улавливала обратную связь – образы, импульсы, движения Души, её порывы. В сознании было... туманно. Оно окутывало меня, постепенно уплотнялось... Слишком уплотнялось, я в нём вязла, сбивалась с пути. Там и уснула.

Проснулась от того, что сильный порыв ветра распахнул входную дверь (не всегда запираемую). С громкими «фанфарами» колокольчиков он как дикарь ворвался в дом, пронёсся по всему периметру и вылетел, хлопнув дверью.

Ветер пришёл и ушёл, но кто-то, пришедший с ним, остался...

Кто-то маленький и очень живой суетился в темноте, прямо на столе передо мной. Запихивая о разные предметы и неся какую-то бессмыслицу, существо что-то искало. Оно сердится. Оно говорит! Недовольно ворчит на кого-то невидимого. Я заворожённо слушала и впустую напрягала зрение, не смея шевельнуться.

– И так всё время, никакого понимания. Ну, невозможно сосредоточиться. И почему перемены обязательно должны обрушиваться как снег на голову? Неужели нельзя почеловечески? Могли бы вежливо так постучаться, сказать: «Здрасьте, мол, мы пришли, мы – Перемены. Можно войти?». Ой! – по звуку похоже, что ей на пути попала «мышка». Так и есть – загорелся экран компика. И тогда я её увидела... в голубом свете.

Она была определённо женского рода. Симпатичное человекоподобное существо небольшого роста, сантиметров пятнадцать-двадцать. Мне было не страшно. Оцепенение исходило от какого-то иного, почти необъяснимого чувства. В её облике было что-то очень-очень знакомое, даже родное.

– Тоже мне – Ветер Перемен! Ураган, Смерч, Торнадо какой-то, а не Ветер! – она была похожа на ребёнка, но с очень серьёзным, совсем взрослым выражением лица. Светлые короткие волосы, такие лёгкие и пушистые, как перья.

Её внимание привлёк засветившийся компик:

– Что это у нас? Стихи?!

*Так жжёт в груди. Дотла сгорает
Тот, кем я был. Лети, Душа.
Все двери настезь. Что мешает?
Чего ты ждёшь? Лети, Душа.*

...Ничто не мешает, ничего и не жду...

Она умеет читать! И совсем не обращает на меня внимания. Меня вроде как и нет здесь. А может, не заметила ещё? И я решаюсь себя обнаружить:

– Кто ты? – будто это к ней не относится, будто мы в параллельных реальностях.

– ... всё-то она понимает, а вот не всё. Сгорает-сгорает, да что-то не сгорит никак...

Я зажигаю настольную лампу и снова прерываю её. Говорю настойчивее и громче, но, всё же, стараясь быть мягкой, чтобы не напугать:

– Кто ты?

Подействовало. Она замирает спиной ко мне.

– Это она мне? – тишина. Только колокольчики звякнули на улице. Она оборачивается. Потом оглядывается по сторонам – к кому бы это я могла обращаться? Но никого больше нет. Подозрительно смотрит прямо мне в глаза, и даже проводит рукой перед ними для верности, как проверяют зрение у слепых, – Ты меня видишь? Странно... Куда ты меня принёс? – последнее точно не мне, а кому-то тому, невидимому, в темноту. Оттуда ей, похоже, отвечают, но я

не слышу, только колокольчики продолжают свою нескончаемую импровизацию. Она определённо получила ответ, уверенно идёт к бумажному «В.П.» и читает название:

– «Вертикальный Полёт». Это твоё?

– Да, – мой голос звучит не очень уверенно.

– Ну да... А почему она не спит? Она же не спит! – пальцем на меня показывает и смотрит вверх. Её там, видимо, что-то (или кто-то) огорчает, и она безнадежно закрывает ручкой глаза, – Ой, ты снова всё перепутал!

Она так обаятельна и так изящна в своём голубом воздушном одеянии, поверх ещё какого-то нежно-бежевого облегающего наряда. А на ногах мягкие замшевые сапожки. И серёжки! Я точно разглядела – у неё в ушах блестели маленькие голубые гвоздики.

– Кто ты? – я выдержала солидную паузу, из уважения к её уязвленным чувствам.

– Да что ты заладила как попугай – «Кто ты? Кто ты?»! Я и с первого раза прекрасно тебя слышала, – не очень-то любезно для незнакомки, – Почему ты меня видишь?

– Не понимаю, – и это правда.

– Это-то как раз понятно. Ты и не должна понимать. И видеть меня не должна, иначе меня бы здесь не было. А должна ты – спать. Или кто-то опять всё перепутал, потому что носится на сверхскоростях и ничего нельзя толком разглядеть! – она строго грозит пальчиком в потолок и хмурит брови. Я начинаю просыпаться. И тут меня осеняет!

– Ты что, ангел?

– Ну, во-первых, ангел – это не «что», а «кто». А во-вторых, нет, я не ангел. Хотя сравнение приятное, – строгая, очень строгая, но... справедливая. Так забавно видеть столько чувства собственного достоинства в столь маленьком существе. – А кто ты?

– Слушай, не начинай, пожалуйста, свои «Кто ты? Кто ты? Кто ты?»!? Ты сама сначала разберись – «кто ты?», а потом других спрашивай. «КтоТы!» Вот буду тебя так звать.

– А как мне тебя звать?

– А зачем тебе меня звать? Я же уже здесь! Когда надо будет – я сама прилечу, – и она делает ручкой такие странные жесты, изображая свой полёт. Эти жесты, они такие знакомые, я где-то... Прилетит?

– Как это «прилетишь»?

– Как, как?... – она тяжело вздыхает, – Как всегда – с попутным Ветром, с Ветром Перемен. Хотя он совершенно неуправляемый! – меня снова бросили и занялись распеканием кого-то страшно непослушного, где-то прямо у меня над головой, – Триста километров в час!!! Я все свои мысли растеряла. Они буквально выветрились из моей головы. Доволен? Я вот забыла, что должна сказать, – она почти плачет от досады, мне очень хочется её успокоить, но она держит дистанцию. Просто так не подступишься. Я, по-видимому, не внушаю ей доверия. Да я сама себе сейчас доверия не внушаю. Надо понять, что происходит. Ещё одна попытка:

– А с кем ты сейчас говоришь?

– С ним, – она показывает пальчиком вверх и погружается в свои переживания, по её мнению этого достаточно. Но долгая пауза и выражение моего лица говорят другое, и она снисходительно добавляет, – С Ветром.

– С ветром? – С Ветром.

– С ветром?

– С Ветром, с Ветром. Что не понятно?

– А-а-а-а, с Ветром? – я задорно хлопаю себя по лбу, – Ну вот теперь всё понятно! – это конечно по-дурацки получилось, даже как-то неловко за такую тривиальность... Ну а что ещё мне оставалось?

– Правда, понятно?! Ну что ж – я рада, – она не заметила моей нехитрой игры, или не приняла её. Непростое создание, в сообразительности и оригинальности ей не откажешь. Себе на уме. Я не улавливаю образ её мыслей, не могу её предсказать, должна признать.

– По правде, не совсем понятно... Тебя зовут Рада?

– Кто зовёт? ... – а вот теперь она сама затевает Игру, лукаво заглядывает мне в глаза и ведёт, – Тут главное вовремя остановиться, КтоТы, а то мы запутаемся в словах, как мухи в паутине. Ты, случайно, не филолог?.. – точное попадание, я даже растерялась, и проямлила что-то утвердительное:

– Да-а-а-а... Но... давно. В другой жизни...

– Тогда понятно. Зови, как хочешь! Я к тебе по делу. Мне надо было кое-что тебе передать, но теперь я не уверена... Похоже, что у тебя уже есть то, что я принесла... – очевидно, что она очень занятой человек. Человек? Не тратит попусту ни слов, ни времени.

– Что у меня есть?

– Всё! Всё что нужно человеку, чтобы достичь желаемого.

– Ты говоришь загадками...

– А ты зачем со мной играешь?! Зачем ты говоришь как слепая? У тебя вопросов больше, чем у трёхлетнего ребёнка. У того, кто видит – нет вопросов, его путь усеян ответами, как ночное небо – Звёздами! А ты – видишь! Клянусь росой на моих крыльях! – и она истово ударила себя кулачком в грудь.

– Но... у тебя нет крыльев.

– Ты что, шутишь? Как это нет крыльев? – она торопливо шарит ручкой у себя за спиной, – А это что? – она делает полукруг в воздухе, будто проводит по краю чего-то мягкого и упругого, по всей видимости... нашла. Мне даже показалось, что я услышала их тихий шелест. Но ничего не увидела у неё за спиной.

– КтоТы, ты, правда, не видишь моих крыльев?

– Нет, извини.

– Ну вот, теперь я совсем запуталась. Ничего не понимаю.

Почему-то это её крайне озадачило. Я посмотрела ещё раз – ничего. Мне хотелось её порадовать, но не врать же. Да я бы и не смогла ей солгать! Её неподдельная детская искренность буквально околдовала меня, я пребывала в странном «откровенном» состоянии.

Она думала. Ходила из стороны в сторону и сильно думала. Сурово сдвинув брови, плотно сжав губы и подперев рукой подбородок. Мне было и смешно и тревожно. Мой разум всё больше и больше просыпался, он требовал объяснений. В голове мелькали короткие и быстрые как кометы мысли. Одна безумнее другой. Я не успевала их там рассмотреть и стала ловить за хвосты и вытаскивать на свет:

– Ветер... Звёзды... Крылья... Можно было предположить. Конечно. Всё туда и шло. Ну, здравствуй, мой новый маленький друг!

– Привет! – бросает она вполборота, не прерывая глубоких размышлений.

– Ты же мне снишься, правда? Я всё ещё сплю. Надо просто сделать усилие... и проснуться.

– Проснуться, – бубнит она себе под нос, – Как будто это так просто...

– А может воображение?

– А что ты знаешь про Воображение, КтоТы? – заинтересовалась она.

– Игра, ставшая реальностью?

– Как в кино?

– Кино? А может я просто спятила, а ты – моя первая галлюцинация? – это было самое жуткое и самое последнее объяснение. Я ждала, что она станет меня убеждать.

– Ничего нельзя исключать, – деловито бросила она, явно думая о своём, – Может – спишь, а может – спятила, а может и то, и другое одновременно. Я знаю такие случаи.

Успокоила. Меня такой вариант ничуть не устраивал, это я от отчаяния ляпнула. Есть и другие, и даже более правдоподобные версии:

– А может?...

Но она решительно остановила меня выставленной вперёд рукой:

– Моя очередь.

Мои брови поползли вверх:

– Интересно послушать...

– Шутки в сторону. Давай рассуждать по порядку. Ты видишь меня, но крыльев моих не видишь. Слепые вообще ничего не видят, они буквально спят на ходу. Значит, ты уже не спишь, но окончательно ещё не прозрела. Аномалия! – Она подошла поближе, ни дать ни взять – маленький доктор, диагностирующий пациента, – А чего ещё ты не видишь, КтоТы?

– Откуда я знаю, я ж не вижу того, чего я не вижу...

– Логично. Давай проверим. Меня видишь, крылья мои – не видишь... Стол видишь? – она была очень серьёзна, а мне вдруг сделалось смешно. Надо полагать, что это от нервов.

– Вижу.

– Людей видишь?

– Здесь нет никого.

– То есть вообще видишь?

– Да.

– Детей видишь? – она явно подозревала меня в чём-то. То есть сама болезнь была для неё очевидна, но вот стадия или степень поражения была пока под вопросом.

– Само собой. Ну, не сейчас, а вообще.

– Ха! «Само собой»! Далеко не все их видят. Свет видишь? – кивнула головой в сторону настольной лампы.

– В конце туннеля? – не выдержала я.

– Господи, она ещё и шутит... В принципе? – судя по её виду, моё душевное здоровье в большой опасности. И я крайне безответственно испытываю судьбу! Ладно, я вполне про-никлась атмосферой:

– Да.

– Лестницу видишь?

– Какую? – в комнате было две лестницы на второй этаж и ещё маленькая стремянка.

– Золотую! – неожиданно, – Золотую лестницу скрытых возможностей, – она с надеждой заглядывает в мои растерянные глаза, – О, похоже – не видит. А радужные облака над крышей?.. – О чём ты?

– Они вот-вот прольются дождём хороших новостей? Видишь?

– О чём ты говоришь?! – я начала психовать.

– Не видит.

Тут колокольчики тревожно зазвенели под яростным напором ветра. Ветер! Так это он с ней разговаривает, с помощью колокольчиков! Она подошла к краю стола и стала вслушиваться в звуки за дверью:

– Что? Да, ладно! Думаешь, совсем не видит знаки? Сейчас проверим... – она подманивает меня ручкой, пониже и поближе к себе, и говорит шёпотом (наверное, по секрету от Ветра), – КтоТы, ты же видишь Дорогу?

– Где? – я тоже шепчу.

– Здесь, – она тычет в стол перед моими глазами.

– Шутить можно?

– Нет, – говорит громко и сердито, – Это дурная привычка прятаться за шутками!

– Хорошо, – я тоже сержусь, – Тогда давай серьёзно. Здесь нет дороги, малышка. Здесь есть СТОЛ!

Она прямо опешила, быстро заморгала и чуть отшатнулась:

– Ты что? Спятила?!

– Есть такое мнение, представляешь?!

– Вот же она, КтоТы. Прямо перед тобой! – она с надеждой и трепетом заглядывает в мои глаза, – Такая светлая, необозримая...

*«Дорога птиц, дорога откровения,
Стезя мятущихся неугомонных душ...»*

– подсказывает мне мои же стихи, как трогательно. Но что тебе сказать, маленькая? Стол. Я вижу стол, – Не видишь? А ведь это Дорога к твоей Мечте, КтоТы... Почему же ты не идёшь?

Ах, вот ты как? Напрасно ты сюда забрела, в этом неосвещаемом переулке живёт боль. Или ты играешь со мной, малышка?

Тогда ты играешь с огнём:

– Почему? Потому что это не твоё дело, – я пытаюсь сохранять лицо, – Без тебя как-нибудь разберусь.

– Это всё?

– Да. Нет!

– Да или нет?

– Не важно. Это моя дорога: хочу – иду, не хочу – не иду! – как она умудрилась вскипятить меня за две секунды? Талант. Меня всю трясёт. А ей хоть бы что.

– Ты сердисься, Юпитер, значит ты не прав, – спокойно и назидательно провозглашает она.

– Да я вообще не вижу тут никакой Дороги!

– Ясно! – она отходит от меня с беспечной улыбкой, – Ты застряла на Мосту. И не видишь Дороги. Классика! Как это там у тебя в спектакле, который ты «временно отложила», а точнее – забросила? м-м-м-м-м... – она опять меня цитирует:

*Та-та-та... Замер на пороге
Неведомого. У двери
Опять топчусь, ищу предлоги,
Хотя давно готов войти.*

– Ну, давай же! Смелее. Чего же ты боишься, глупенькая?

Нет, это тебе надо опасаться. Внутри я взорвалась и моё внешнее спокойствие обманчиво. Я готова убиться насмерть, защищая своё право на боль, на её неприкосновенность. Боже, что я несу?! И я требую уважать мою творческую нестабильность!

– Ты такая маленькая, а разговариваешь как взрослая.

– Маленькая – не значит глупенькая. Трусишка, боишься стать другой?

– Что значит «стать другой»?

– Стать... С собой.

– А сейчас я, по-твоему, кто? – почему она так расслаблена? Почему на неё не действует моё самое мощное оружие – ледяное всеуничтожающее спокойствие и убийственно-пронзительный взгляд? Смелая. Отдаю должное.

– Кто-кто? Спортлото! Добровольный инвалид по зрению вот ты кто! – и хохочет, – Не бойсь, не потеряешь!

– Что? – я держусь из последних сил.

– А что ты сейчас подумала?

– Ты ещё и мысли мои читаешь?

– Нет, не читаю. Я их слушаю. Ты очень громко думаешь... Хи-хи-хи... Как можно потерять себя, если ты с собой настоящей даже познакомиться боишься?

– Господи, что происходит?! Надо как-то прийти в себя! – взывала я. Мне, правда, не до шуток. У меня были серьёзные планы на эту жизнь!

– Хорошая мысль! А ты... знаешь куда идти?...

– Хватит! Перестань! Просто исчезни! Я с ума схожу... Я прошу тебя, исчезни.

Она перестала хохотать и снова наполнилась неподдельной тревогой:

– Я не могу. Ты пропадёшь без меня.

– Что значит «пропаду»? Да я даже не знаю кто ты... что ты!? Тебя не может быть!.. Ты невзаправдашня! Ты... ты... ты продукт расщеплённого сознания!...

Тут что-то произошло. Мне показалось, даже свет немного померк и Ветер, озорничавший за дверью, примолк. Она вся содрогнулась, медленно опустила голову и отодвинулась от меня на несколько шагов. Я обидела её:

– Осторожнее, КтоТы, они могут оборваться! – тихо предупредила она после невозможно долгой паузы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.